

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ВЕСТИНИК

Газета для тех, кто любит наш край и хочет знать его историю
Приложение к газете "Вперёд", № 21, июнь 1996 года

Дом на Валовой и его Обитатели

(Продолжение. Начало в "Краеведческом вестнике" № 19, 20).

В 1923 году в доме поселилась еще одна семья - семья графа Комаровского. Владимир Алексеевич Комаровский был женат на родной сестре Марии Федоровны Мансуровой - Варваре Федоровне. В. А. Комаровский был художником. Он учился в Академии художеств в Петербурге, потом в Париже. И с 1911 года занимался иконописью. Именно ему Ю. А. Олсуфьев заказал иконostas для храма на Куликском поле. Это была его вторая работа такого рода. Впервые он писал иконы для иконostas церкви в имени графа Медем под Хвалынским Саратовской губернии. Но там он работал под руководством известного художника Д. С. Стедлацкого. А иконostas для храма на Куликском поле выполнял самостоятельно.

Делал он эту огромную работу, находясь в усадьбе Ракша Тамбовской губернии. И выдал иконы Олсуфьеву. В ответ пришла телеграмма, начинавшаяся словами: "Сегодня открыли иконы, пораженные красотой..." И дело было не только в высоком мастерстве и совершенном освоении технических приемов иконописи, но в глубоком постижении иконы как молитвенного образа. В одном из писем Комаровский писал: "Икона, написанная хотя бы не со вкусом, но без творческого осознания законов иконописного дела, производит впечатление совсем обратное тому, какое она должна производить (...). Как бы она ни походила на древнюю икону высокого стиля - она фальшива и тем более, чем отальнее элементы походят на древние".

Сейчас, когда возрождается искусство иконописи и открываются выставки современных икон, стоит вспомнить эти слова В. А. Комаровского. От иконопистов, созданных Комаровским, не осталось и следа. И это очень и очень жаль, потому что были они не стилизацией по старину, но механическим повторением древних образов,

а самостоятельным, творческим церковным искусством, традиционным по технике и "оживленным" (вест такой термин), то есть устремленным к постижению первообраза.

Какое-то представление о творчестве Комаровского-иконописца может дать чудом сохранившаяся Донская икона Божьей Матери, написанная им в 1918-19 годах для часовни, стоявшей недалеко от усадьбы Самаринских Измалково Московской губернии (в районе нынешнего поселка Перелескино). Часовню сломали в конце 20-х годов. Икона исчезла. Оказалось, что ее переворнули и употребили как доску для стола. Дочери художника удалось разыскать икону в одном из сараев в деревне близ Перелескина, и после реставрации ее поместили в храм Свято-Данилова монастыря.

Павел Флоренский, общавшийся с В. А. Комаровским, так писал о нем в 1925 году в одном из писем: "Это большой художник, с каждым месяцем делающий шаг вперед. Он ищет конкретное выражение в живописи самого сердца реальности и достиг успехов, в которые трудно поверить, не видя его работ".

Во время первой мировой войны Комаровский, также как и С. П. Мансуров, работал на Кавказе по организации лазаретов для раненых под руководством Ю. А. Олсуфьева.

После революции Комаровские жили сначала в Измалкове, а когда дальнейшее пребывание там стало невозможным, переехали в Сергиев Посад. Это было в 1923 году. Поселились они с тремя детьми и нижем этаже дома на Валовой, в квартире Мансуровых. А в верхнем этаже Олсуфьевы отдали В. А. Комаровскому самую светлую комнату для занятий живописью.

В. А. Комаровский поступил на работу в Комиссию по охране памятников старины и искусства Троице-Сергиевской лавры. Он делал для сергиевского музея акварельные копии с памятников древнего шитья XV века, писал для архитектурного от-

дела виды лавры. Не оставил он и занятия иконописью, а также написал несколько портретов, в том числе П. А. Флоренского и Ю. А. Олсуфьева.

Так дом на Валовой, как сказочный терем-теремок, соединил под своей крышей людей, близких не только по родству, но по духу и по их роли в русской культуре.

Но недолго пришлось им жить вместе. В. А. Комаровский был арестован уже в начале 1925 г. На защиту художника выступили и архитектор Шусев (дважды), и музейный отдел Главнауки, и группа художников, в числе которых такие известные как Фаворский, Нерадовский (в то время П. Н. Нерадовский был хранителем Русского музея в Ленинграде), Остроузов, скульптор Андрейев. На защиту графа Комаровского встали крестьяне Измалкова, где он в 1919-22 годах работал учителем рисования в школе. 28 крестьян корявими крупными буквами поставили свои подписи под письмом в защиту Комаровского. Они пытались объяснить власти, что Комаровский не враг. Художники и музейные работники указывали также на то, что Комаровский, обладавший особенно редким у нас декоративным дарованием /.../, мог бы с большим успехом быть использован на пользу Республике", что было бы "крайне полезным сохранить художника В. А. Комаровского на той же работе в Сергиевском музее как одного из немногих специалистов в области древне-византийского и русского искусства".

Но все было напрасно. На допросе Комаровский с высокой открытостью ответил, что по политическим убеждениям является монархистом. И ничего изменить было уже нельзя после этих слов. Напрасно он объяснял, что, считая себя монархистом, он не принадлежал ни к каким монархическим организациям и союзам, не состоял на государственной службе, не интересовался никогда политической жизнью. Он просто считал, что "монархия есть та форма государственного устройства, которая

может соответствовать нравственному идеалу".

Комаровского обвинили в принадлежности к контрреволюционной монархической группировке бывшей аристократии и отправили по этапу в ссылку на Урал в Ишим на три года. Чтобы жить, чтобы как-то помочь семье, оставшейся в Сергиеве без средств существования с тремя детьми, надо было ра-

ботать для себя. В ссылке он писал картины темперой на фанере. Некоторые послал в Сергиев. По-видимому, все они, кроме одной, пропали.

В 1928 году срок ссылки кончился. Но вернуться в Сергиев Комаровскому было нельзя. Как раз весной 1928 года прошли большие аресты так называемых "первомайских" (более 80 человек). И Комаровские поселились в одном из сел неподалеку от родного Измалкова; где родился четвертый ребенок.

В. А. Комаровский брался за всякую чертежную и оформительскую работу. Изредка выпадала радость - расписать церковь. Жизнь несложной. Как-то ему чудом удалось избежать ареста: когда за ним пришли, он успел выйти из дома, провел ночь в лесу. Потом заболел воспалением легких. Его укрывали Мансуровы, которые жили тогда в т. Березе Московской области. Арестовали в 1930 году, потом еще раз в 1933. Последний арест был в августе 1937 года. В это время его старший сын Алексей был в коллплатере (арестовали в 1933 году 15-ти лет). Младшему было 8 лет. Дочерям 21 и 14. Жена Вар-

вара Федоровна тяжело болела. Поражение спинного мозга привело к полной неподвижности. Муж кормил ее с ложки. Когда его увидели, она не могла даже двинуть рукой. Уходил, он сказал ей и детям: "Молитесь Божьей Матери".

Семье сообщили приговор: "10 лет без права переселения". Они не поняли.

В. А. Комаровский был арестован 5 ноября 1937 года.

Т. СМЕРНОВА.

Благодарю Антонию Владимировну Комаровскую за предоставленные материалы.

Краеведческий календарь знаменательных и памятных дат

22 ИЮНЯ - День памяти защитников Отечества. В этот день 55 лет назад началась Великая Отечественная война.

26 ИЮНЯ - день рождения Александры Корявина (1965 - 1985). 23 мая ефрейтор А. Корявин погиб, закрыв собой командира взвода при вступлении боевых действий в провинции Кунар. За этот подвиг воин-афганец награжден звездой Героя (посмертно). Александру Корявину было всего 20 лет, когда он погиб. В этом году ему исполнилось бы 31.

27 ИЮНЯ 1949 года поселку Хотьково присвоен статус города.

1646 ГОД - 350 лет назад построена деревянная церковь в себе Благовещенье. Время сооружения церкви помогают определить Писцовые книги - в 1646 году они упоминают в селе Благовещенье храм "деревя, верха шатровой". Церковь села Благовещенского - самой древний памятник деревянного зодчества Подмосковья (из книги В. И. Балдина "История города и его планировки"). Церковь не сохранилась.

1896 ГОД - 100 лет назад построена больница-облагодельня с длинным переходным коридором, вилотную примыкающим с западной стороны к крепостной стене.

Уважаемые читатели! Краеведческий отдел выпускает еженедельно с библиотечкой имени В. В. Розанова работу над составлением краеведческого календаря знаменательных и памятных дат на ближайшие годы. Будем благодарны всем, кто дополнил публикуемые сведения или сообщил о приближающихся юбилеях, памятных и знаменательных датах, связанных с историей нашего края. Телефон краеведческого отдела 4-92-07.

22 июня - день памяти и скорби. В этот день 55 лет назад началась война, названная Великой Отечественной. Только в нашем районе она унесла 13740 жизней. Вечная память погибшим...

Боевой путь Леонида Алексеевича Малых начался в марте 1942 года. Был он командиром отделения. После жестоких боев под Косторной (близ Воронежа) попал в госпиталь. Контузия была такая, что отец родной не узнал. Вылечили. И хотя от боевых действий был он освобожден, сумел все-таки добиться отправки на фронт. С мая 1943 года вновь в строю. Дошел до Кенигсберга. Имеет боевые награды.

Сегодня Леонид Алексеевич вспоминает о том, каким был Загорск накануне войны, и о трудных испытаниях, выпавших на нашу долю летом и осенью 1941 года.

Завтра была война

7 ноября 1935 года горожане были взбуржены неслыханным в то время событием: по окончании демонстрации с Советской (ныне Красноярской) площади колонна двинулась к северной окраине города на стройплощадку большого завода - ЗОМЗа. Несмотря на мелкий дождь, народу собралось много. Город в то время не был промышленным, предпрятий почти не было, а если и были, то мелкие. На работу люди ездили в Москву, Лосиноостровскую, Мытищи...

Рядом со стройплощадкой построили небольшой поселок барачного типа - "Трабарский". На улицах появились первые легковые и грузовые автомобили, тракторы с прицепами. Это были тракторы на резиновом ходу, их скорость приравнивалась к скорости автомобиля. Нам, мальчишкам, видевшим до этого тракторы на железных колесах, да еще с зубанищами на задних колесах, из-за чего двигались по булыжной мостовой они медленно и со скрежетом, было это в диковинку. Ожила и железная дорога. На железнодорожной станции разгружались товарные вагоны со стройматериалами, которые грузили на тракторы и везли к стройплощадке по центральной улице города.

С Переславской улицы началось переселение жителей в три новых района: Северный, Гражданский поселки и так называемую Рузу, расположенную в конце Долго-Дмитровской улицы (ул. Кирова). Под мастерские ЗОМЗа отвели помещения в стенах Лавры и здания Духовной академии. А в Сушильной башне прорубили аэверс с выходом в прилегающий сквер и открыли там столовую. Столовая работала в башне долгое время, позднее, когда уже открыли завод, туда возили рабочих на маленьком автобусе.

Строительство завода внесло большие перемены. Из других городов и окрестных сел в город стеклись кадры инженеров, рабочих, открылось ФЗУ (фабрично-заводское училище). Были созданы духовой оркестр, драмкружок, хор, спортивные секции.

Позднее, в 1936 году, на южной окраине города началось строительство еще одного завода - электромеханического, который в простонародье называли "Скобянкой". Заводы стали соревноваться

Так, в 1940 году футбольный матч между командой "Зенит" (ЗОМЗ) и "Снайпер" (ЭОМЗ) вызывал такой же интерес, как, скажем, сейчас международный матч. На стадионе "Спартак" в день матча устраивался большой праздник: играл оркестр, работали буфеты, стадион буквально "облепляли" со всех сторон болельщики, они забирались на заборы и крыши близлежащих домов. Многие на матч приходили семьями.

В 1938 году после бюрократической волокиты меня устроили на завод учеником сборщика-механика, где я проработал почти всю жизнь, за исключением службы в армии в 1941 - 1946 годах.

На заводе меня поразила чистота производственных помещений. В цехах полотеры натерли полы до блеска. Все сотрудники сборочных цехов ходили в белых халатах, а механических - в темных. По территории завода были проложены булыжные мостовые, а для пешеходов - деревянные тротуары. В коридорах цехов лежали ковровые дорожки - что особенно меня поразило.

Это была счастливая пора жизни нашего города, но недолго она продолжалась. 22 июня 1941 года был выходной, но мы работали, так как в последнее время число заказов для армии увеличилось. О начале войны нам сообщил начальник цеха. С тревогой слушали по радио выступление председателя Совета Народных Комиссаров Молотова. Тогда все говорили, что война продлится недолго, что доблестная Красная Армия разобьет фашистские войска на территории Германии. Не знали мы тогда ни о наших потерях, ни об оставленных городах.

Город изменился, стал суровым. В нем принимались меры на случай чрезвычайного положения. Были организованы отряды МПВО (местной противовоздушной обороны), создан истребительный батальон, на Московской улице (проект Красной Армии) были установлены противотанковые ежи. 18 июля 1941 года ввели карточки на продовольственные товары.

Хожение по городу разрешалось только по специальным пропускам. Каждый дом имел песок для тушения зажигательных бомб, за городом шла работа по деэпова-бу, строили железную дорогу "Бужаниново - Дмитров". В магазинах уменьшались, а потом совсем исчезли товары

первой необходимости. Долгие всех оставались в продаже крабы и коньяк.

Любимым местом отдыха был парк культуры. Во время войны он работал, работали также клубы и городской кинотеатр. В парке устраивались танцы под духовой оркестр и баян. В 22 часа звучали сирены, и выход из парка перекрывали. В ночь с 21 на 22 июля, ровно через месяц после начала войны, немцы сделали первый воздушный налет на Москву, с тех пор, как по расписанию, в 21 или 22 часа самолеты приближались к Москве. Бывали случаи прорыва, и тогда Москву бомбили, бросали мелкие зажигательные бомбы, но их быстро научились гасить. Некоторые фашистские самолеты, уходя отня эскадрильи наших истребителей, пролетали над Загорским районом и сбрасывали зажигательные бомбы на наши дома, поэтому всю ночь в городе дежурили пожарные дружины.

Первый немецкий самолет я увидел из окна цеха на заводе. Налеты над военными объектами были запрещены, а этот летит, да средь бела дня. "Вот какой чудак", - подумал я, присмотрелся, а на фюзеляже - большой черный фашистский крест. Направлялся этот самолет на Краснояраводск, и вскоре послышались взрывы. Над заводом, значит, был ему не нужен. Они знали, где это расположено.

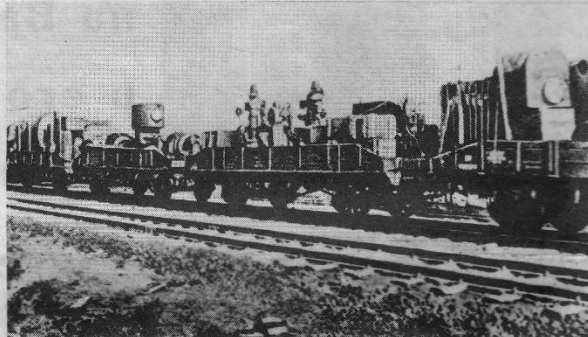
Загорск бомбили дважды - на железнодорожной станции пытались попасть в бачки нефтезавы. Не попали. Не удалось фашистам разбомбить и железнодорожный мост в Хотькове. Мост этот сохранялся, подходы к нему были огорожены колючей проволокой. Бушки дежурных и сейчас стоят. Потом там поставили зенитную батарею.

14 октября 1941 года вышел приказ об эвакуации. ЗОМЗ - в Томск, "Скобянка" - в Вятские Поляны. Эвакуированным выдали муку, соль, сахар. Враг приближался к Дмитрову, пытались взять Москву в кольцо. 16 октября в Москве и области была паника, грабили магазины, банки и учреждения. 18 октября вышел приказ Сталина - паникеры и грабители расстреливать на месте. За два-три дня порядок был восстановлен.

Л. МАЛЫХ,
ветеран войны и труда.

Строительство оборонительных укреплений. Август 1941 года.

Эвакуация заводов. Поезд с оборудованием идет на восток. Октябрь 1941 года.

В редкую свободную минуту. Красный уголок ЗОМЗа. Снимок 1944 года.

Урок географии в Мухановской школе. 1945 год.

Об одной попытке спасти Николая II

В ночь с 16 на 17 июля 1918 года был расстрелян государь Николай II и царская семья. В Послании Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II к 75-летию убийства есть строки: "грех царубийства, происшедшего при равнодушии граждан России, народом нашим не раскаян. Будучи преступлением и Божеского и человеческого закона, этот грех лежит тяжелейшим грузом на душе народа, на его нравственном самосознании".

Но не все подданные государя оставались равнодушны. И не права была дочь расстрелянного вместе с царской семьей врача Боткина, когда утверждала, что "не было вообще никаких офицерских групп для освобождения царской семьи". Многие стали известны нам только в последние годы.

Об одной из офицерских групп, пытавшихся спасти государя, рассказал князь Александр Евгеньевич Тру-

бецкой. Он был офицером лейб-гвардии конно-гренадерского полка. Воевал против большевиков, затем эмигрировал во Францию, работал так шофером такси.

В Москве существовала тайная военная организация, где возникла идея заговора с целью спасения государя и царской семьи. Во главе стоял некто В. С. Полянский, присяжный поверенный. Он привлек Михаила Лопухина, Александра Трубецкого и еще несколько офицеров. Они видели, что Полянский - человек несерьезный, надеется получить деньги на эту операцию, что особенно доверять ему нельзя. Но желание освободить государя было так велико... И в январе 1918 года офицеры отправились в Сибирь.

Государь дал согласие на выезд из Тобольска, но покидать пределы России он не хотел. Соглашался только на то, чтобы императрица и до-

чери были вывезены в Японию.

План заговорщиков был таков: отряд гардемаринов должен был прибыть в Тобольск с подложными бумагами, якобы на смену караулу при царской семье. Если караул откажется смениться, гардемарины должны были применить силу. Государя и наследника предполагалось на лошадях доставить в Троицк, в область Оренбургского казачьего войска. Ехать они должны были под видом французского гувернера и мальчика из богатой семьи.

Первыми выехали из Москвы в Тюмень офицер под вымышленной фамилией Чистов и 16-летний Н. Г. Пермонтов, офицер лейб-гвардии конно-гренадерского полка. Они должны были встретить государя и семью после освобождения, снабдить паспортами и сопроводить до Троицка. Предполагалось, что невидимая охрана государя и наследника должна состоять из нескольких верных офицеров. Во главе охраны должен был стоять М. Лопухин (расстрелян большевиками летом 1918 г.).

Но план провалился. Оказалось, что Троицк уже взят красными. Да и гардемарины не могли выехать из Москвы, так как деньги, которые надеялись взять у французского посла, получены не были.

Александр Трубецкий несколько дней провел на вокзале, встречая все поезда. Ему удалось собрать всю группу офицеров - ехали врозь, и многие были незнакомы. Казалось, что если не удалась одна попытка, то

можно осуществить какой-то другой вариант. Предполагали внезапно напасть на караул и уничтожить телеграф, чтобы задержать погоню.

Чистов ездил в Тобольск, ходил к лому, где жила царская семья, и видел через забор наследника и великих княжён, катавшихся с ледяной горки. Задержаться у забора ему помешал часовой.

Но и из этого плана ничего не вышло. Большевики тогда одержали победу за победой. Офицеры ждали указаний из Москвы, подвергаясь смертельной опасности - и то и дело красные патрули обшаривали проезжих в поисках оружия.

В середине февраля из Москвы пришла телеграмма, отзывавшая офицеров обрат-

но. При сложившихся обстоятельствах задача оказалась неосуществимой. По мнению А. Трубецкого, главным препятствием было отсутствие денег. В рядовых исполнителях недостатка не было.

"С большим разочарованием и тяжёлым чувством вернулся я из этой неудавшейся экспедиции. Утешением нам оставалось сознание, что мы на деле проявили готовность послужить своему государю и остались верными данной ему присяге". Так закончил свои воспоминания А. Трубецкий в 1932 году.

Но кто был тот офицер, который действовал под вымышленной фамилией Чистов? Теперь не надо скрывать. Это был двоюродный брат автора воспоминаний

князь Владимир Сергеевич Трубецкой. Позднее (1923 - 1934 гг.) он жил со своей семьей в Сергиевом Посаде. Писал смешные охотничьи рассказы в журнал "Всемирный следопыт", был тапером в городском кинотеатре, потом музыкантом в ресторане. Времена от времени его арестовывали. Но власти не узнали, что он был в числе тех, кто готов был отдать жизнь за государя.

Он писал после той попытки спасти государя почти 20 лет. Расстреляли В. С. Трубецкого 30 октября 1937 года по ложному обвинению.

Т. ВАСИЛЬЕВА.

Александр Евгеньевич Трубецкий

Владимир Сергеевич Трубецкий

В письмах Сергея Семеновича Урусова к Льву Николаевичу Толстому за 1869 год преобладают две основные темы. Первая дополняет переписку предыдущего года и касается причастности князя к творческой истории романа "Война и мир". В конце октября 1869 года последний VI том романа был сдан в печать и в конце года было завершено его первое и второе издания.

В 1869 году Сергей Семенович продолжил свою консультативную помощь писателю по военно-историческим проблемам, обсуждая, в частности, роль военачальников, морального духа армии и военной тактики на ход сражения. Как и прежде, князь отдавал приоритет установлению математических законов, которые, по его мнению, должны прийти на смену представлению о причинах событий. Продолжалась традиция встреч писателя в Москве с С. С. Урусовым, С. А. Юрьевым и Ю. В. Самариным, во время которых проходили дискуссии по этим вопросам. Об одной из таких встреч Лев Николаевич писал: "...вчетвером договорили до 3-го часа (ночи). Исторические/ мысли мои поразили очень Юрьева/ и Урусова и очень оценены ими...".

Князь стал держателем корректуры VI тома и, впервые ознакомившись с ним, сообщил Толстому, что "очень наслаждался" новой для себя обязанностью. Сергей Семенович не ограничился литературной стилистической правкой, продолжив и в этом случае свою консультативную помощь. Разумеется, окончательное решение в изменениях текста романа принадлежало Толстому, и князь мог убедиться в этом, обнаружив в вышедшем из печати VI томе для себя "много нового".

Другой темой писем С. С. Урусова к писателю стала болезнь и смерть его дочери. Как несовершенно была медицина того времени, которая могла распознать болезнь "чахотку - только на заключительной стадии ее развития, когда медицинская помощь была уже запоздалой...

Лидия Урусова умерла 29 августа 1869 года, и это обстоятельство побудило Толстого совершить свою первую поездку в имение князя в Спасское. "Я ездил к моему бедному другу Урусову, сообщил Лев Николаевич в письме к А. А. Фету от 21 октября - вы знаете - он потерял единственную дочь", что не исключало приезда писателя на ее похороны. Об этом я писал в очерке "Этот мой севастопольский друг...". Лев Толстой и С. С. Урусов" (газета "Вперед", № 138 - 139 от 29 июля 1995 года). Теперь, когда публикуются впервые письмо Сергея Семеновича к Толстому от 20 сентября, в котором сказано, что болезнь писателя задержала его визит, очевидно, что приезд в Спасское Лев Николаевич совершил позднее, а именно в период после 20 сентября (письмо С. С. Урусова к Толстому) и до 21 октября (письмо Толстого к А. А. Фету). Точную дату первого визита Толстого к князю в Спасское и все обстоятельства, связанные с ним еще предстоит установить.

"ВСЕ В ВАШ С. УРУСОВ..."

Из переписки князя С. С. Урусова с Львом Николаевичем Толстым

Начало в "Краеведческом вестнике" №№ 14, 16, 19 (газета "Вперед" от 18 ноября 1995 года, 20 января, 20 апреля 1996 года).

1.
20 марта
1869 года.
Спасское.

Бесценный друг, Лев Николаевич! Вчера был счастлив, получив письмо Л././, распросив подателя о дороге к Вам (можно ли ехать и чем), решился ехать Л././ Жена извергом ни за что держит несогласие, сама ездит два раза в день молиться, стало быть, с дочерью должно оставаться в отъезде. Я свободен только с 10 вечера и до 10 часов утра Л././ Я должен Вам сказать, это для не-математики, например/, для Самарина, с которым вел спор о Вашем рассуждении, долго, очень долго остается непонятным и даже смешным то, что я Вам говорил об исторических/ событиях. Самария ставит вопрос так: "По причине военной дисциплины, всякое войско двигается по команде. Оно может не туда пойти, куда следовало бы идти, но несомненно, что оно движется (куда бы ни стало) вследст-

вые приказания. Сражение прошло и свершилось вовсе не так, как предполагалось совершить, но тем не менее, спрашиваю Вас: совершилось ли бы это, если бы вовсе не было приказания войску двинуться? Очевидно, нет. Следовательно/ распоряжения начальника были, есть и будут причиной (главную) сражения Л././".

Я отвечал Самарину: "Войска движутся по распоряжениям и воле начальства, но так как ни один из начальников /еще менее Наполеон/ не знает законов событий, то свершится большей частью не то, что угодно, а что-то другое. Если бы Наполеон был/ гений, то он безошибочно сказал бы: "Такое событие совершится непременно, потому что моя формула это говорит". Не будучи же гением, он действует ошупью, как и все до одного полководцы Л././ Из двух противников тот более имеет шансов выиграть, кто ближайшую к истинной имеет формулу. Подобное происходит на войне".

Вы встали на математическую почву, а теперь все делается, чтобы соскочить с нее на почву произвола Л././ Жду Вас с ужасным горячим нетерпением. Целую и жму Вам руку. Не смущайтесь, Вы непременно откроете, только не сейчас.

Весь Ваш Урусов.
P. S. Мои усердно кланяются Вашим и Вам.

2.
[?] апреля
1869 года.
Афанасьевский
перулов
на Арбате,
дом Плечко.

Благодарю, милый Лев Николаевич, что не сердитесь, я это узнал из того, что получил корректуру. Очень наслаждался! В среду получил, в четверг отнес. У Рыса мне сказали, что 3-я корректура посылается к Вам, а потому считаю долгом объяснить причину поправок, сделанных мною в первых трех экземплярах.

1. На первой странице я старался изменить полемические упреки в вопросительные, это неизбежно по тому, что многие историки смотрят на падение государства так: статия гниет, уже совершенно сгнила, остается только дать толчок, толчок дан и вся статия разлетается в прах, толчок этот есть война, а причину гниения видят одни в порче нравов, другие - в неразвитии Л././ Вообще обвинительного приговора историкам надо избе-

гать, ибо Вам прямо укажут на его несправедливость.

2. Вы признаете, что Ваш х завист и от вооружения, и от других элементов, а потом вдруг спохватываетесь: "Но, что духе дух?" - и отвечаете, что такое есть множество, как-будто х изображает только действие духа. Дух есть сила, а сила есть не-известная причина. Мало того, что причина, но есть еще и неизвестная. Мы можем вычислить действие, проявление сил, а не сами силы.

3. Историки в том и понимают, главным образом, что изучать причину, а надо искать закон, а не причину. Что касается до влияния духа армии, об этом полянина курса тактика говорит без умолку Л././ Вам могу сказать: "Вы говорите о воинском духе? Хорошо! Но кто же поднял дух в 1796 году в Италии французской армии?" Ответ: "Бонапарт".

Следовательно, Бонапарт выиграл кампанию. Вот к чему ведет Ваша критика тактиков. К тому же в тактике Медема на каждом шагу говорится: "Противник ист, надо просто всегда действовать сообразно с обстоятельствами". Это самое я подтверждаю в конце "Вселенная" к "Обзору" кампаний 1812 и 1813 годов. Тактиков не в чем упрекнуть относительно отсталости. Они виноваты только в том, что они с тех пор не искали законов сражений и кампаний, а не искали потому, что не знают математики... (Конеч письма не сохранился).

(Продолжение следует.)

АФОРИЗМЫ
КЛЮЧЕВСКОГО

Один из крупнейших отечественных историков Василий Осипович Ключевский был тесно связан с Сергеевым Посадом. 36 лет он преподавал в Московской духовной академии. Считал наш город духовной столицей России.

Кроме исторических трудов, В. О. Ключевский писал афоризмы.

Если тень человека идет вперед его, это не значит еще, что человек идет за своей тенью.

Если под характером разумеется решительность действия в одном направлении, то характер есть не что иное, как недостаток размышления, не умеющего указать воле двух направлений.

Когда дурак начинает считать себя остроумным, количество остроумных людей не увеличивается; когда умный человек признает себя остроумным, всегда становится одним умным меньше и иногда одним остроумным больше; когда остроумный начинает считать себя умным, всегда одним остроумным становится меньше и никогда не бывает одним умным больше.

Исключения обыкновенно правдивее самого правила; но они потому не составляют правила, что их меньше, чем неправдивых явлений.

Кто из людей презирает людей, должен презирать и самого себя, потому презирать людей вправе только животное.

Прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не умеет убраться своих последствий.

Хорошая женщина, выходя замуж, обещает счастье, дурная — ждет его.

Говорят, что мужчины рождаются красивыми. Это предрассудок: красивыми мужчинами делаются и делают их такими женщины.

Самое умное в жизни — все-таки смерть, либо только она исправляет все ошибки и глупости жизни.

Высшая степень искусства говорить — умение молчать.

Самый верный и едвали не единственный способ стать счастливым — это воображать себя таким.

Добрый человек не тот, кто умеет делать добро, а тот, кто не умеет делать зла.

При них был порядок не потому, что они его умели установить, а потому, что не сумели его разрушить.

Смерть — величайший памятник, ибо бесшумно речет все задачи.

Дамы только тем и обнаруживают в себе присутствие ума, что часто сходят с него.

Было бы сердце, а печали найдутся.

Хотеть быть чем-то другим, а не самим собой значит хотеть стать ничем.

Из книги "Василий Осипович Ключевский". Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., "Мысль", 1993 г.

Люди и судьбы

Врач Анна Степановна
Сидорова

Работа врача никогда не считалась легкой. Несдаром люди этой профессии дают кличку Гиппократу о безукоризненном исполнении своего профессионального долга. И если сегодня какой-то врач и может забыть об этом, только не врач "Скорой помощи", который со времени ее организации в любое время суток выезжает на вызов, по ночам избирается по неосвоенным лестницам многоэтажных домов, пренебрегая криминальной обстановкой наших дней. Врачи стремятся спасти всех, кто в тревоге визжит болями вызывает "скорую". Эта служба уникального профиля, не имеющая аналогов в мире, — одно из достижений советской медицины.

В нашем городе она была создана в 30-х годах при елином диспансере (ул. Миткина, 37), и для выполнения вызовов поначалу исла лодшал с телгой.

Врач Анна Степановна Сидорова, о которой пойдет речь, уроженка губернии Лазаревской деревни, отработала в службе "Скорой помощи" нашего города 24 года. Но это было во второй половине ее жизни, а до этого ее жизненный путь был не менее трауен и не лишен трагизма, собственного нашему времени.

Она родилась в 1903 году и в 18 лет ушла из деревни своей дорогой, с этого времени сама обеспечивая свое существование. В уездном городе Елабуге, заведя библиотечку, она подготовилась для поступления в Казанский медицинский техникум, окончив который, стала фельдшером, а в 27 лет при-

была в столицу. Это было в 1930 году, когда медицинские факультеты Высших московских женских курсов эманилированных женщин, преобразованы во 2-й Московский медицинский институт. В августе 1933 года здесь состоялся первый его выпуск, и Анне Степановне Сидоровой был вручен диплом врача под номером 5. Окончившие получали назначение туда, куда требовали интересы страны, а это означало: "охраны Союза". Анна Степановна поступила в распоряжение Северного водозавода города Архангельска, и вскоре стала работать судовым врачом на лодкоколе "Ленин", который ходил в арктические плавания. Там она стала женой капитана Адольфа Каландаровича Печуро, и с ним 7 лет вала по прибрежным волам Северного Ледовитого океана. Лодкокол провозил суза с грузом по Баренцеву, Карскому морям и морю Лаптевых. Здесь в суровую зиму 1937 - 1938 гг. команде пришлось пережить трагический дрейф, когда один из вельмов кораблей был раздавлен льдами. За этим последовал суровый приговор се мужу: "за преданную зимоу" его на 7 лет лишили свободы.

Сверхчеловеческие усилия приложила Анна Степановна для реабилитации мужа. Для этого ей пришлось оставить работу и переехать

в Москву. А. К. Печуро был реабилитирован и через 7 месяцев вынужден из заключения, ему были возвращены ордена и назначена персональная пенсия.

В апреле 1940 г. супруги с двухлетним самым поселились в здании бывшей монастырской гостиницы Черниговского монастыря. Здесь семейство пережило военные годы, выращивая на небольшом клочке земли традиционные овощи и ухаживая за козой, которую завезли для маленькой Гериетты, родившейся в мае 1941 года. На территории бывшего Черниговского монастыря располагался учебный комбинат МООСО, где инвалиды учили ремеслам. Для медицинского обслуживания комбината там же открыли амбулаторию, врачом которой и стала Анна Степановна. К югу от монастыря в бывшем Гедфианском скиту была открыта 40-кочная больница МООСО с хирургическим, терапевтическим и инфекционным отделениями для инвалидов. Анне Степановне Сидоровой частенько приходилось совмещать свою работу с работой в этой больнице. В военные годы в больницу МООСО "скорая помощь" доставляла и городских жителей, главным образом заразных больных и больных, подобранных на улице.

В конце 1941 года в бывшем Гедфианском скиту военкомат организовал сбор-

Отремонтирован
дом Пришвина

В доме № 81 по улице Вифанской Евгения Васильевича Лавидского жиеет с 1953 года. "Пока был жив муж, — рассказывает хозяйка, — дом мы содержали в должном порядке. Понимали, что он мемориальный и требует особого к себе отношения, поэтому, делая ремонт, ничего в нем не меняли, сохранили таким, каким он был при Пришвине." Писатель жил здесь 10 лет — с 1927 по 1937 год.

Весной дом Пришвина преобразился. Его стены покрашены светло-коричневой краской, а крышу — зеленой, сделали окна и ворота, обшили новыми досками террасу, поправили оконные рамы, установили новые стоки, обновили мемориальную доску.

Дом этот включен в список памятников истории и культуры Сергеево-Посадского района. Поэтому, несмотря на то, что он частный, глава района В. Д. Гончаров поддержал просьбу краеведческого отдела музея и комитета по проблемам культуры произвести его ремонт, выделив на это необходимую сумму.

Хозяйка дома довольна ремонтом и просила через газету выразить благодарность администрации района, лично В. Д. Гончарову и фирме "Ралонех", выполнившей заказ, за сохранение се дома как памятника культуры.

Л. ВАСИЛЬЕВА.

густа 1943 года 700-кочный госпиталь под номером 2652 был направлен в действующую армию и под Вязьмой в деревне Шейкино «первые попал под немские бомбы. Вскоре он был приписан к 3-му Белорусскому фронту и встал за ним прошел через Минск к Вильнюсу, где в конце войны принимал на лечение военнопленных.

После войны Анна Степановна Сидорова по семейным обстоятельствам была уволена из госпиталя и зачислена хирургом в санитарный отдел Академии им. Фрунзе, а после окончания войны стала врачом "Скорой помощи". 50 лет отдала она медицинской деятельности. На фоне жизненных проблем трудно оставаться оптимистом, но на встрече с однокурсницами Анна Степановна говорила: "Я люблю свою профессию и не считаю, что моя жизнь прожита зря, хотя не имея ни письменных трудов, ни звания".

Т. БУДИКОВА.

На снимке: Анна Степановна Сидорова в кругу семьи.

Поиск

Ищем письма А. Н. Толстого

8 июля 1996 года в газете "Вперед" № 82-83 опубликован очередной интересный материал Бориса Сергеевича Свадковского "Письма крестьян из деревни Охотино в Ясную Поляну", раскрывший еще один эпизод жизни великого писателя, сына Николаевича Толстого, связанной с нашим краем.

Поразило в этой публикации прежде всего то, что ежегодно в 1909 году Лев Николаевич получал около 50 писем и на все считал долгом советовать ответно. Это ли не реальное подтверждение популярности писателя и любви к нему людей разных слоев общества? Подтвер-

денье того, что на извечный вопрос: "что есть истина?" искало в те годы ответ и крестьянство.

В связи с этой публикацией вспомнилось детство и летние поездки нашей семьи в чудную деревню к родственникам дяде Яне и тете Маше в деревню Охотино, расположенную в пяти километрах от деревни Плошево.

Только мое Охотино — не то, о котором пишет уважаемый Борис Сергеевич Свадковский, т. е. не то, которое весной 1889 года посетил Лев Николаевич Толстой.

Дело в том, что было две деревни с названием Охоти-

но. Одна — близ Хотькова, другая близ — Плошева.

Так вот, герой публикации Свадковского Василий Андреевич Кузин жил в том Охотине, что близ Плошева. От том, что этот человек переписывался с графом Толстым крестьяне знали. Самого же Василия Андреевича называли философом.

Деревни той, увы, давно уже нет. Как неперспективная она была снесена во времена Хрущева. Но есть предположение, что живы родственники Василия Андреевича Кузина и что живут они в Сергеевом Посаде. В связи с этим мы обращаемся

через нашу традиционную рубрику

ПОИСК

к родственникам Василия Андреевича Кузина, жившего в деревне Охотино, что близ Плошева. Отдадитесь и расскажите нам о том, каким был крестьянин Василий Андреевич, писавший письма Л. Н. Толстому. А может быть, семья хранит письма писателя?

Знаем, что у Василия Андреевича был сын Андрей и внуки с редкими именами Авдик и Товик.

Наш адрес: Антекарский пер., 2. Телефон 4-92-07.

Л. ГИРЛИНА.

РЕДКАЯ КНИГА

ВОЛКОВ Сергей
"ПОСЛЕДНИЕ
У ТРОИЦЫ."

Воспоминания о Московской духовной академии (1917 - 1920), М., 1995, 320 с. Тираж книги всего 1000 экземпляров. Купить ее можно только в книжном магазине заповедника.

КАУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ
истории и краеведения
"ХРОНОС"

собирается в первый и третий четверг каждого месяца М., 19 до 13 часов в краеведческом зале библиотеки им. Горьковского (бывшая библиотека профкома ЗОМЗ).